

Хромова Елена Борисовна

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПЕРЕВОДА ПРИ ВЫРАБОТКЕ РУССКОГО ФИЛОСОФСКОГО ЯЗЫКА (ПО СТРАНИЦАМ КНИГИ Н. С. АВТОНОМОВОЙ "ПОЗНАНИЕ И ПЕРЕВОД")

Статья знакомит читателя с точкой зрения известного философа, переводчика Н. С. Автономовой на обширный комплекс проблем перевода. Для данного автора все важнейшие аспекты перевода подчинены познанию, и сам перевод является особго рода познанием, проявляющим себя как своеобразный рефлексивный механизм, позволяющий по аналогии исследовать механизмы научно-гуманитарной мысли.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/12-1/58.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (30): в 2-х ч. Ч. I. С. 207-209. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 81; 130

Филологические науки

Статья знакомит читателя с точкой зрения известного философа, переводчика Н. С. Автономовой на обширный комплекс проблем перевода. Для данного автора все важнейшие аспекты перевода подчинены познанию, и сам перевод является особым рода познанием, проявляющим себя как своеобразный рефлексивный механизм, позволяющий по аналогии исследовать механизмы научно-гуманитарной мысли.

Ключевые слова и фразы: познание и перевод; русский философский язык; эпистема; дискурс; научно-гуманитарная рефлексия.

Хромова Елена Борисовна, к. филос. н.

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

khromovalena@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПЕРЕВОДА ПРИ ВЫРАБОТКЕ РУССКОГО ФИЛОСОФСКОГО ЯЗЫКА (ПО СТРАНИЦАМ КНИГИ Н. С. АВТОНОМОВОЙ «ПОЗНАНИЕ И ПЕРЕВОД»)[©]

Перевод в настоящее время всё чаще попадает в поле зрения не только филологов, но и философов. Почему это происходит? Исчерпывающий ответ на этот вопрос находим в замечательной книге Н. С. Автономовой «Познание и перевод». По её мнению, понятия «познание» и «перевод» вместе обычно не употребляются, поскольку познание изучается как мыслительная деятельность, а перевод – как лингвистический или культурный феномен. Но с самого начала автор объясняет свою позицию тем, что почти все европейские философии возникали в процессе перевода с одного языка на другой, с одной культуры в другую. Благодаря этому складывались философские понятия и категории в латинском, итальянском, французском, немецком и других языках. Несмотря на это, «философия не всегда замечала перевод как заслуживающую внимания деятельность, равно как не всегда она замечала и проблему языковых средств формирования мысли» [4, с. 7]. Будучи проблемой междисциплинарной, перевод является и посредником в межкультурной коммуникации, и условием возможности любого познания в области гуманитарных наук. Автор приглашает читателя понаблюдать за жизнью языка и мысли, выраженной в языке. Затрагивая разные области культуры – философию, лингвистику, психологию, историю идей, – перевод предоставляет одновременно для перечисленных наук и ценный материал для осмысления, который невозможно получить никаким другим путём.

Н. С. Автономова – филолог и философ, переводчик многих текстов французских философов (Ж. Лакан, М. Фуко, Ж. Деррида), которых она открыла российскому читателю, продемонстрировав новые области мысли и одновременно внося вклад в копилку русского философского языка. Основываясь на личном опыте перевода научной и философской литературы, а также дискуссий и обсуждений со специалистами, для которых язык оригинала является родным, автор объясняет процесс наработки нового слоя дискурсивной соотнесённости языков, культур, способ мысли. В подобных дискуссиях «носители разных языков вместе переправляют текст через культурные и концептуальные границы: один довозит переводимое до середины реки, а другой подхватывает и препровождает его на другой берег» [1, с. 9]. Таким образом, располагая опытом такого культурного перевозчика, автор делает акцент на философском и научном переводе, на его роли в создании понятий, концептуальных систем, философских языков. «Выработка философского языка – это важнейшая область современного культурного и интеллектуального творчества, осуществляемого философией и филологией совместно в полном смысле слова» [2, с. 418]. Получается, что все важнейшие аспекты перевода: интуиция, искусство, личная вовлечённость – подчинены познанию, и сам перевод является особым рода познанием, претворяющим опыт в вербальные формы и проявляющим себя как своеобразный рефлексивный механизм, позволяющий по аналогии исследовать и другие механизмы научно-гуманитарной мысли [4, с. 12].

Особый интерес в контексте нашей статьи представляет раздел «Перевод, рецепция, понимание», где речь идёт о проблеме перевода и рецепции тех авторов, чьи концепции пришлось переводить самой Н. С. Автономовой, а также о теоретических и историко-эпистемологических проблемах, возникающих в процессе философского освоения новых культурных и концептуальных содержаний. В *общефилософском плане* перевод можно рассматривать как механизм переноса внешнего опыта во внутренний и обратно, как одну из форм рефлексивности. В *социологическом плане* перевод – практика культурной медиации, включённая в другие схемы трансмиссии и рецепции. В *плане культурном* перевод – способ сохранения наследия и приобщения к нему, а отсюда – образовательное значение перевода для истории философии и гуманитарных наук. В *плане эпистемологическом* проблематика перевода позволяет вплотную подойти к вопросу о познании Другого, располагая средствами, допускающими проверку опыта, превращая перевод в новую методологическую стратегию [Там же, с. 22]. Всё это необходимо принимать во внимание при осмыслении статуса перевода в европейской ситуации, прежде всего, в бывших странах социалистического лагеря и, конечно же, в России, где в связи с появлением огромного количества переводных работ остро встали вопросы о внутренних ресурсах терминологического образования, о концептуальном соответствии категориальных систем, о возможностях передачи культурного и познавательного опыта.

Автор книги впускает нас в свою творческую мастерскую, делится стратегиями перевода, основанными на стремлении сделать перевод не только с языка на язык, но и с культуры на культуру. Вот лишь несколько примеров преодоления трудностей перевода.

Ещё до того, как был реализован перевод «Слов и вещей» М. Фуко, возник вопрос о передаче на русском языке главного понятия этой книги – слова *epistème*. В его упоминаниях в советской литературе предлагалась калька «эпистеме» (с ударением на последнем слоге), что делало это слово крайне неудобным в русскоязычном употреблении. Поэтому уже в самых первых своих публикациях о Фуко Н. С. Автономова вводит слово «эпистема», более соответствующее с русскими произносительными нормами, которое в дальнейшем и закрепилось.

Ещё труднее обстоит дело с переводом концептов работ Ж. Деррида. Например, «термин *différance*», – замечает Н. С. Автономова, – «у нас подчас вообще не переводят: либо транслитерируют русскими буквами, либо просто пишут латиницей. И это понятно, поскольку определить разницу между обычным *différence* (с суффиксом -ence) и необычным *différance* (с суффиксом -ance) можно только на письме, так как на слух эти слова неразличимы». Однако переводчик Н. С. Автономова решила подкрепить зрительное различие слуховым и предложила такой вариант: *различие* (иногда – различение) для *différance* и *различАние* – для *différence*. Этот последний термин, по её мнению, передаёт своим неопределённо несовершенным видом дпящееся действие различения, смысловую динамику этого французского неографизма термина [Там же, с. 407].

Предъявляя всегда самые высокие требования к качеству собственных переводов, Н. С. Автономова совершенно справедливо критикует порой безответственное отношение некоторых переводчиков к качеству русского терминологического языка. Приводится пример из книги под названием «Французская психоаналитическая школа», где соссоровское *langage* (языковая деятельность, языковая способность – из знаменитой триады *langue – langage – parole*) переводится как «языкование» (!), *signifiant* (означающее – из оппозиции «означаемое-означающее») – как «означатель», *le Réel* (реальное – из лакановской концептуальной тройки «реальное – воображаемое – символическое») как «реалия» [Там же, с. 465-466]. Поэтому автор поднимает вопрос о дискуссиях переводчиков, которые должны стать правилом и необходимым этапом работы в деле формирования единообразной научной терминологии. Отмечается и слишком явная тенденция русского терминологического языка «латинизировать» любые научные термины. Такие слова, как «ургентный», «перверсный» и многие другие русский язык предпочитает калькировать, относя их, таким образом, в ряд научных терминов. Но всякий, кто переводит на русский язык, обязан в первую очередь рассмотреть русскоязычные варианты и лишь в случае необходимости прибегнуть к иностранным [Там же, с. 467-468]. Это правило, сформулированное ещё княгиней Дашковой, президентом Российской академии наук, издавна провозглашалось в русской культуре и сохранило свою актуальность по сей день.

Автор книги рассматривает перевод в современной культуре как одну из форм научно-гуманитарной рефлексии, возникающей на новом витке лингвистического поворота – вслед за проблемами языка, понимания, коммуникации [Там же, с. 486]. Именно перевод Н. С. Автономова считает главным понятием гуманитарных наук, а не диалог (вопреки мнениям многих), поскольку «без выработки общего языка в процессе перевода никакой диалог не возможен» [1]. Дорогу к диалогу «мостит трудная, каторжная работа перевода, выковывающая сами механизмы понимания» [2, с. 423]. Будучи средством выработки языка мысли, «перевод нуждается в философской рефлексии, а философия – в осмыслении той роли, которую играют перевод и трансмиссия в создании её вербальной и концептуальной фактуры» [Там же]. В России, осваивающей свой и чужой познавательный опыт, приходится преодолевать концептуальный дефицит путём выработки собственного философского языка. Необходимо отметить, что данная проблематика не нова для русской культуры. Лучшие умы ушедших веков сталкивались с необходимостью выработки собственного понятийного языка. Во времена А. С. Пушкина такой язык называли «метафизическим»: «Когда-нибудь должно вслух сказать, что русский метафизический язык находится у нас ещё в диком состоянии» [6]. В письмах Пушкина Вяземскому содержится целая программа развития русского языка как языка мысли; предлагается развивать русский язык на основе сопоставления с другими языками. В. Г. Белинский как литературный критик, защищавший самобытность и народность русской литературы, также считал распространение переводов необходимым средством совершенствования мысли, выражаемой на русском языке. Только посредством переводов, по его мнению, можно превратить наш язык в такой орган, «на коем бы можно было разыгрывать все неисчислимые и разнообразие вариации человеческой мысли» [5, с. 38]. В годы господства марксистской философии проработка «немарксистской» западной философской мысли была сильно ограничена. Тем заметней ощущается необходимость ликвидации лакун русского концептуального языка в постсоветский период. И хотя в настоящее время эта ситуация успешно преодолевается за счёт появления огромного количества переводов научной и философской литературы, задача осмысления переведённого остаётся очень актуальной.

Будучи процессом сложным и длительным, освоение западного и осмысление собственного философского наследия в нашей стране требуют совместных усилий философии и «национально ориентированной» лингвистики. Концептуальный дефицит сегодняшней культурной ситуации в России должен восприниматься как вызов, достойным ответом на который станет активизация работы по переводу, а следовательно, преобразованию мысли, созданной на других языках и в других культурах, в мысль, существующую на русском языке.

Список литературы

1. Автономова Н. С. Заметки о философском языке: традиции, проблемы, перспективы [Электронный ресурс] // Вопросы философии. 1999. № 11. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=469 (дата обращения: 31.03.2013).
2. Автономова Н. С. Открытая структура. М.: РОССПЭН, 2009. 503 с.
3. Автономова Н. С. Письмо комитету премии А. Белого [Электронный ресурс]. URL: <http://www.belyprize.ru/?pid=129> (дата обращения: 02.03.2013).
4. Автономова Н. С. Познание и перевод. Опыты философии языка. М.: РОССПЭН, 2008. 704 с.

5. **Белинский В. Г.** «Изгнанник, исторический роман...». Соч. Богемуса. пер. с нем. (1836) // Перевод – средство взаимного сближения народов. М.: Прогресс, 1987. С. 37-38.
6. **Пушкин А. С.** Письмо Вяземскому П. А. от 13 июля 1825 г. из Михайловского в Царское Село [Электронный ресурс]. URL: <http://www.as-pushkin.net/pushkin/pisma/140.htm> (дата обращения: 02.04.2013).

**ABOUT SOME TRANSLATION PROBLEMS WHEN WORKING OUT RUSSIAN PHILOSOPHICAL LANGUAGE
(BY BOOK BY N. S. AVTONOMOVA «COGNITION AND TRANSLATION»)**

Khromova Elena Borisovna, Ph. D. in Philosophy
Perm National Research Polytechnic University
khromovalena@mail.ru

The article introduces to the reader a point of view of the famous philosopher, translator N. S. Avtonomova on the broad complex of the translation problems. For this author the most important translation aspects are subordinated to the cognition, and the translation is a special type cognition showing itself as a peculiar reflection mechanism allowing researching the mechanisms of scientific-humanitarian idea by analogy.

Key words and phrases: cognition and translation; Russian philosophical language; episteme; discourse; scientific-humanitarian reflection.

УДК 8;81

Филологические науки

В статье представлена характеристика основных лингвистических параметров дискурса медиации и особенностей их функционирования в смежных дискурсивных моделях сферы альтернативного урегулирования конфликтов. Специфика конструирования дискурса медиации во многом обусловлена такими параметрами как субъективность и терминологичность, которые определяют выбор коммуникативных стратегий, используемых участниками процесса, лексического материала, схем построения медиативных речей и т.д. Интертекстуальность связывает дискурс медиации с юридическими дискурсами, а также обуславливает его вхождение в другие системы дискурсов (психологический), взаимообмен лексикой, речевыми клише и т.д. Анализ лингвистической стороны процесса медиации внесет вклад в создание более эффективных стратегий в сфере альтернативного решения конфликтов, которая только начала зарождаться в России.

Ключевые слова и фразы: дискурс медиации; терминологичность; субъектность; интертекстуальность; дискурсивные формации.

Чернышенко Алина Геннадьевна

Пятигорский государственный лингвистический университет
alicha2002@mail.ru

СПЕЦИФИКА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ ДИСКУРСА МЕДИАЦИИ[©]

Публикация выполнена в рамках проекта «Медиация как способ эффективного разрешения споров и необходимый элемент инновационной экономики» по заданию Министерства образования и науки РФ по Аналитической ведомственной целевой программе «Развитие научного потенциала высшей школы на 2012-2014 годы».

Медиация как один из видов альтернативного разрешения конфликтов возникла в связи с необходимостью разгрузить суды от различного рода споров, которые возможно урегулировать с помощью привлечения третьей нейтральной стороны. Возрастающая популярность юридической медиации как альтернативы судебному разбирательству часто объясняется преимуществами более свободной и неформальной формы проведения переговоров и практически гарантированным достижением компромиссного решения. Различия между стандартной процедурой в суде и медиацией определяют тот факт, что параметры дискурсивной модели медиации также во многом отличаются от параметров судебного и юридического дискурса.

По словам М. Фуко, дискурс – это «субстанция, которая не имеет четкого контура и объема и находится в постоянном движении, а назначение понятийного аппарата лингвистики дискурса состоит в том, чтобы обеспечить доступ к его параметрам» [8, с. 315]. Учитывая специфику дискурса медиации, его ориентированность на активное обсуждение для достижения компромиссного решения, считаем логичным выделить такие параметры, как интертекстуальность, субъектность и терминологичность в качестве основных, определяющих «развертывание» дискурса медиации.

Принадлежность дискурса медиации к сфере специализированного дискурса определяет тот факт, что значительную часть лексической составляющей этой модели занимают термины. Так, например, в разных видах медиации используются различные термины для обозначения заявки с просьбой о предоставлении